

bitte nach Mitternacht wieder.“ Mit den zwei Stunden musste er allein fertig werden. *Das Risiko konnte ich ihm nicht ersparen*[6: 28].

Позначені курсивом висловлювання не виявляють жодних граматичних відхилень, однак в семантичному плані вони «дефектні»: центральна інформація відсутня, причому контекст не містить жодних підказок для її встановлення. Читач змушений самостійно розшифрувати неартикульовану інформацію, володіючи при цьому відповідними фоновими знаннями відносно особливої тематики у творчості Носсака та його авторського розуміння міфічного.

Отже, мовчання виявляє у творчості Г.Е. Носсака свою релевантність не лише на рівні тематики та змісту, висуваючи на передній план проблему «невимовного», а також як важливий елемент наративної стратегії, текстотвірний елемент, який створює підґрунтя для «міфічної оповіді» і доповнює «міфічне» зображення сучасності у стилі Г.Е. Носсака.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Анохіна Т.О. Семантизація категорії мовчання в англомовному художньому дискурсі. Монографія. – Вінниця: Видавництво «Нова Книга», 2008. – 160 с.
2. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке: Сб. статей Под общ. Рук. И ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – С. 417–436.
3. de Bruyker, Melissa. Das resonante Schweigen: Die Rhetorik der erzählten Welt in Kafkas *Der Verschollene*, Schnitzlers *Therese und Walsers Räuber-Roman*. – 1. Aufl. – Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2007. – 380 S.
4. Gebser, Jean. Ursprung und Gegenwart. Teil 1 und 2. – 2. ergänzte Aufl. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966. – 562 S.
5. Krammer, Stefan. "redet nicht von Schweigen –": Zu einer Semiotik des Schweigens im dramatischen Werk Thomas Bernhards. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. – 202 S.
6. Nossack, Hans E. Nach dem Letzten Aufstand. Ein Bericht. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1961. – 367 S. (NLA)
7. Nossack, Hans E. Nekyia. Bericht eines Überlebenden / Hans E. Nossack. – Hamburg: Krüger Verlag, 1947. – 138 S.
8. Nossack, Hans E. Spätestens im November. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972. – 277 S. (SiN)
9. Nossack, Hans E. Spirale. Roman einer schlaflosen Nacht. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. – 294 S.
10. Oblinger, Hermann. Schweigen und Stille in der Erziehung. – München: Ehrenwirth. – 181 S.
11. Rokoszowa, Jolanta. Schweigen – ein Problem der Sprache // Satz – Text – Diskurs. Akten des 27. Linguistischen Kolloquiums, Münster, 1992 / Peter-Paul König und Helmut Wieggers (Hg.). – Bd. 2. – Tübingen: Niemeyer, 1994. – S. 101–106.
12. Schmauks, Dagmar. Die Stellung des Schweigens im semiotischen Feld // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis und Dokumentation./ Siegfried Grosse, Hans-W. Eroms u.a.(Hg.). – Berlin u.a.: Erich Schmidt Verlag, 1996. № 1–4. – № 4. – S. 305–326.
13. Schmitz, Ulrich. Beredtes Schweigen – Zur sprachlichen Fülle der Leere. Über Grenzen der Sprachwissenschaft // OBST: Schweigen. – Oldenburg, 1990. – 192 S. – S. 5–58.
14. Wulf, Christoph. Präsenz des Schweigens // Schweigen : Unterbrechung und Grenze der menschlichen Wirklichkeit / Dietmar Kamper ; Christoph Wulf (Hg.). – Berlin: Reimer, 1992. – S. 7–16.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Марта Музичук – аспірант кафедри німецької філології факультету іноземних мов Львівського національного університету ім. І.Франка.

Наукові інтереси: стилістика, лінгвостилістичний аналіз тексту, інтерпретація тексту.

АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Наталія ПАВЛЕНКО (Житомир, Україна)

У статті розглянуто аспекти мовної картини світу та проаналізовано її основні компоненти.

The article deals with the aspects of world linguistic picture and analyzes its main components.

Лингвокультурология – комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры – переживает в настоящее время период расцвета.

К числу основных категорий лингвокультурологии относится понятие «картина мира» – целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании [10: 8]. Более того, «лингвофилософский концепт языковой картины мира можно было бы признать одним из антикварных украшений философии языка, ведь древность его вполне сопоставима с древностью последней» [11: 140].

О языковой картине мира много пишут (Попова З.Д., Макаров М.Л., Вежбицкая А., Воркачев С.Г., Степанов Ю.С. и т.д.), проводятся научные конференции, издаются научные сборники.

Предметом этого исследования выступают аспекты языковой картины мира и её компоненты.

Целью работы является выявление специфических особенностей составных частей картины мира.

Статья имеет связь с *актуальной тематикой* исследования языковых систем в полиэтническом и поликультурном пространствах.

Языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры, но человеческое отражение не является механическим, оно носит творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер.

Составные части картины мира неоднородны и представляют собой образы и понятия. Образы, с точки зрения психологии, – это картины, сформированные в сознании (pictures formed in the mind), при этом мы имеем в виду расширительное понимание слова «картина»: любое перцептивное, объективно существующее или придуманное психическое образование, Это могут быть зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и вкусовые представления. Образы могут быть четкими и размытыми. Существуют также и другие компоненты картины мира, которые не являются перцептивными. Мы имеем в виду понятия – логически оформленные общие мысли о классах предметов и явлений. В формальной логике различают объем и содержание понятия. Под объемом подразумевается отображенное в сознании множество (класс) предметов, составляющих данное понятие; содержание понятия – это отображенная в сознании совокупность свойств и признаков предметов» [6: 403, 557]. У предметных понятий (например, зима) их объем может совпадать с образами. Что же касается абстрактных понятий, то говорить об образах в этой связи вряд ли представляется возможным.

Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, а как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [9: 5]. Восприятие мира в значительной мере обусловлено, с одной стороны, принадлежностью индивида к различным общностям и, с другой стороны, его личными характеристиками: образованием, профессией, возрастом, полом.

Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен языковой картиной мира и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, то есть тем, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса» [5: 81, 12: 474]. Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, «это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [9: 6].

Способность языковых средств, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций связывают в первую очередь с тем, что языковые системы имманентно по-разному представляют окружающую действительность: «Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфический способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [14: 3].

Второй составляющей этнической картины мира, играющей важную роль в восприятии действительности, являются, как было уже сказано, традиции, обычаи, верования, суеверия народов. Например, там, где мы видим одно число, англичане (и некоторые другие народы) видят другое. Речь идет об этажах. Если англичанин говорит, что он живет на третьем этаже (on the third floor), то для нас это означает, что он живет на четвертом этаже, то есть в таких случаях первый этаж не учитывается, считается как бы нулевым.

Обычно языковая картина мира, рисуемая тем или иным языком, связывается с его лексикой, что совершенно естественно: именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности системной организацией лексики, не допускающей наложения одной системы на другую. Поэтому семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением некоторых

терминологических образований), а имеются лишь разного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе. Более того, за некоторыми словами скрываются уникальные понятия национального мироощущения, которым вообще трудно подобрать точные соответствия в других языках. В самом деле, слово *душа*, привлекшее в свое время внимание В. Гумбольдта» [3: 181], при переводе на другие языки интерпретируется весьма разнообразно. Например, если, во-первых, в сознании русского народа *душа* противопоставлена *телу* (душа и тело), то у англичан в соответствующем выражении противопоставлены *mind* «разум» и *body* «тело» – *mind and body* (ср. также: *камень с души свалился* – *it is a load off smb's mind*); во-вторых, это слово в русском языке – в отличие от английского – является частотным и входит в целый ряд выражений, которые редко переводятся на английский язык со словом *soul* – наиболее близким русскому слову в семантическом отношении, но далеко не покрывающим всего многообразия его проявлений. Из 34 русских фразеологизмов со словом *душа*, приводимых С. Г. Тер-Минасовой, лишь 4 переведены с использованием слова *soul* (в основном в значении *человек* – *not a soul*); чаще используется *heart* «сердце» (15 раз): *всей душой* – *with all one's heart*, *работать с душой* – *to put one's heart to one's work*; встречается также слово *conscience* «совесть»: *кривить душой* – *to act against one's conscience*» [13: 162-170]. В русской языковой картине мира слово и концепт *душа* – внутренний психический мир человека – занимают особое место; отсюда тяга к самоанализу, погружение в сферу внутренних переживаний, «копание в себе», так прекрасно описанные русскими писателями.

Различия в отображении языковой картины мира имманентно заложены в лексической системе языка. При этом различные участки этой картины «разработаны» в разных языках неодинаково, что в одних случаях объясняется условиями жизни, климатом. Этнос, считает Л.Н. Гумилев, «явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос» [5: 29]. Этим объясняется наличие в языке эскимосов обширной группы слов, обозначающих различное состояние льда, а в арабском языке – номинаций многочисленных разновидностей верблюда. Понятие «уют» в англоязычной культуре ассоциируется с понятием *тепла* в доме: *cosy* – *comfortable and warm*; *snug* – *cosy and tight*. Уют и тепло связываются общим оценочным знаком только в тех культурах, где людям часто бывает холодно.

В других случаях «разработанность» отдельных участков лексики обусловлена этнокультурными особенностями народа. Так, А. Вежбицкая считает, что в русской лексике широко – гораздо шире, чем в английской – представлены такие сферы, как *эмоциональность*, *иррациональность*, *любовь к морали*, отражающие наиболее яркие черты русского национального характера [1: 33–34]. По мнению П. Л. Коробки, в русской фразеологии шире представлены концепты *гостеприимство*, *корпоративность*, а в английской – *эгоизм* [7: 16–17].

Подобные «разработанные» или «акцентированные» (с точки зрения другого языка) участки концептуальной сферы будем называть, вслед за Е.В. Падучевой, семантическими доминантами» [8: 163–165]. Семантические доминанты могут создаваться не только лексическими единицами, но и грамматическими средствами. Так, А. Вежбицкая выделяет концепт *неагентивость*, создаваемый построениями с субъектом в дательном падеже типа *мне не спится*, *мне хочется*, *мне молено*, *мне нельзя*, *мне нужно* и др. [1: 33–34]. Г.А. Волохина и З.Д. Попова на материале русского простого предложения выделяют концепты *бытие объекта*, *бытие признака объекта*, *инобытие объекта*, *небытие объекта* как мыслительные образы, стоящие за синтаксическими конструкциями различного типа и – наряду с лексическими единицами – формирующими семантическое пространство русского языка [2: 194–196].

Тезис В. Фон Гумбольдта «язык есть выражение духа народа» в той или иной форме развивается во всех культурологически ориентированных лингвистических теориях [4: 372]. Языковая форма, строй языка, система категорий и доминантные категории в значительной мере определяют менталитет народа, говорящего на том или ином языке. Обычно исследователи, развивающие данное направление лингвистики, анализируют грамматические категории определенного языка, освещая их уникальную совокупность или экзотические

характеристики (наприклад, формальні способи вираження вежливості в японському, сверхдлительный аспект процесу – в турецькому мові).

Мовні картини світу відрізняються в граматичному та лексичному відношенні, при цьому граматична специфіка мовного картювання світу стосується тільки змістових граматичних категорій і походить від лексичної специфіки. Особливу роль в вивченні мовної картини світу грають фразеологічні одиниці, прислів'я, прецедентні тексти. Соціально-історичні характеристики життя народу в багатьох визначають особливості мовної вибіркової фіксації світу, в свою чергу, зафіксований в мові спосіб бачення світу впливає на активне соціально-історичне свідомство народу і його повсякденну поведінку.

Одне з найважливіших понять лінгвокультурології «мовна картина світу» визначається як система відображених в мовній семантиці образів, інтерпретуючих досвід народу, мовлячого на даній мові. Мовна картина світу є частиною ментальної картини світу і в свою чергу може бути розбита на певні області або представлена в певних аспектах, таких як, наприклад, ціннісна, емотивна або гумористична мовні картини світу. Принципово важливою для розуміння етнокультурної специфіки є ціннісна картина світу – частина мовної картини світу, моделювана в певних взаємопов'язаних оціночних судженнях, порівнюваних з юридичними, релігійними, моральними кодексами, загальноприйнятими судженнями здорового глузду, типовими фольклорними, літературними сюжетами. Це і буде однією з завдань нашого подальшого дослідження.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Вежибіца А. Мова. Культура. Розуміння. М., 1996. – 416 с.
2. Волохіна Г. А., Попова З. Д. Синтаксическі концепції російського простого речення. Воронеж, 1999. – 289 с.
3. Гумбольдт В. Вибрані твори по мовознавству. М., 1984. – 245 с.
4. Гумбольдт В. Характер мови і характер народу // Гумбольдт В. Мова і філософія культури. М.: Прогрес, 1985. – С. 370–381.
5. Гумілев Л. Н. Кінець і знову початок. М., 2000. – 203 с.
6. Кондаков Н. И. Логічний словник-довідник. М.: Наука, 1976. – 720 с.
7. Коробка П. Л. Ідіоматическа фразеологія як лінгводидактична проблема: АҚД. М., 1998. – 127 с.
8. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской мовної картини світу // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave*. Unipress, 1966. – 206 с.
9. Попова З. Д., Стернін І. А. Мова і національна картина світу. Воронеж: Истоки, 2002. – 195 с.
10. Постовалова В. И. Картина світу в життєдіяльності людини // Роль людського фактора в мові: Мова і картина світу. М.: Наука, 1998. – С. 8–69.
11. Радченко О. А. Поняття мовної картини світу в німецькій філософії мови ХХ століття // ВЯ. – 2002. – №6 – С. 158–163.
12. Степанов Ю. С. Констанції: Словник російської культури. М., 1997. – 497 с.
13. Тер-Минасова С. Г. Мова і міжкультурна комунікація. М., 2000. – 264 с.
14. Урысон Е. В. Мовна картина світу vs необхідні представлення // ВЯ. – 1998. – № 2 – С. 3–6.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Наталія Павленко – викладач кафедри слов'янських і германських мов Житомирського державного університету імені Івана Франка, аспірант Київського міжнародного університету.

Наукові інтереси: проблеми лінгвокультурології, текст і дискурс, політичний дискурс.

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ POLITICAL GLOBALIZATION В АНГЛОМОВНОМУ ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Тетяна ПЕТРИНСЬКА (Запоріжжя, Україна)

В статті досліджується мовна репрезентація концепту POLITICAL GLOBALIZATION в текстах англійськомовного публіцистичного дискурсу останнього десятиліття на основі методики досліджень текстових концептів. Аналізується роль вербалізаторів даного концепту в когезійній цілісності досліджуваних текстів.

The article deals with verbal presentation of concept POLITICAL GLOBALIZATION in the texts of English publicistic discourse of the latest 10 years using the text-based concept method. The role of the concept verbalizers in cohesion unity of the studied texts is analyzed.

Сучасний період розвитку лінгвістичної науки характеризується посиленою увагою до мовних явищ як репрезентації досвіду, знань та уявлень мовців (концепт, картина світу, концептуальний простір тексту, прототип і т.д.). Концепт як методологічну категорію з